

Безымянная девушка прикусила нижнюю губу.

— Ты жалеешь меня? — ее кулаки крепко сжались, ногти пронзили кожу, пустив ярко-красную кровь. Капли ее брызнули на землю.

Учиха Согецу покачал головой и медленно снял плащ. Он ничего не сказал, предоставив своим действиям говорить за него.

Он осторожно накинул плащ на плечи девушки, укрывая ее от яркого солнечного света. Плащ был немного поношен и испачкан в боях, но для девушки он привнес нотку тепла в ее холодный и темный мир.

Безымянная девушка была ошеломлена. Выражение ее лица стало сложным, и она опустила голову. Тонкими белыми пальцами она взялась за манжеты плаща, ощущая ткань между ладонями. В ноздри ударил слабый аромат.

Учиха Согецу заметил ее взъерошенные волосы и потянулся, чтобы убрать прядь с лица.

— Нет. Мне не нужна твоя жалость! — девушка отшатнулась, словно к ней неуместно прикоснулись. Она оттолкнула его с внезапным приливом сил, ее голос был полон враждебности и страха, когда она смотрела на него.

Но с точки зрения Согецу, ее реакция напоминала реакцию испуганной кошки — вся в шерсти, шипящая, пытающаяся казаться жесткой, чтобы скрыть свою уязвимость. Под ее черными волосами блестели слезы.

Сердце заколотилось, и, встретившись с нежным взглядом молодого человека, она ощутила тепло, которого не чувствовала уже давно.

— Я не говорю тебе забыть о своей ненависти и не жалею тебя, — сказал Согецу, сделав шаг вперед и мягко улыбнувшись. Он поднял руку, чтобы пригладить ее волосы, его голос был мягким, но твердым.

— Я не могу понять, какие страдания ты пережила, поэтому не буду просить тебя простить кого-то. Если ты хочешь отомстить клану Учиха, я не стану тебя останавливать. Это твой выбор. Если ты считаешь, что мир сломан, значит, ты должна его исправить.

Его голос был спокойным, но для девушки он прозвучал глубоко, как колокольный звон в ее душе.

— Ты не собираешься меня останавливать? — спросила она, в ее голосе прозвучало недоверие.

Безымянная девушка непроизвольно прикусила губу.

— Тебе не кажется, что я слишком жестока?

— Почему я должен просить тебя остановиться? — ответил Учиха Согецу, пристально глядя на нее. — Если бы кто-то призвал тебя отпустить обиду и простить тех, кто причинил тебе боль, кто бы искупил вину за то, что запер тебя в темной подземной камере на десятилетия?

Легко проповедовать доброту, когда сам никогда не испытывал страданий.

Если бы на его месте был он, запертый кланом Учиха на десятилетия, его реакция была бы куда более радикальной, чем у девушки.

— Спасибо, — произнесла она низким голосом, склонив голову. Ее черные волосы спадали каскадом, скрывая выражение лица. Но дрожание ее плеч намекало на то, что внутри она испытывает потрясение.

— Что ты будешь со мной делать? — спросила она после минутного эмоционального напряжения. Она глубоко вздохнула и подняла взгляд, чтобы встретиться с его взглядом. — Ты видел, на что я способна. Ты знаешь мою силу; она имеет высокую цену.

Учиха Согецу улыбнулся и покачал головой.

— Отныне ты свободна. Никто не будет решать за тебя твое будущее.

— Свободна? — девушка была ошеломлена, как будто это понятие было для нее совершенно чуждым.

— Именно так. Ты свободна, — повторил он с легкой усмешкой. — С этого момента ты можешь жить так, как тебе вздумается: мстить Конохе и клану Учиха или найти способ выплеснуть свою ненависть. Это твой путь, никто не может диктовать тебе будущее.

— Ты лжешь мне? — ее глаза расширились, скептицизм и неуверенность проступили на ее тонких чертах.

— Зачем мне лгать? — спокойно спросил Учиха Согецу.

— Но разве ты не боишься меня? — ее голос дрогнул, когда она встретила с ним взглядом, ее большие зрачки затрепетали от сомнения. — Ты видел мою технику глаз. Она позволяет мне контролировать мысли и воспоминания. Разве это тебя не пугает?

Она прекрасно понимала, какую угрозу представляет ее техника, «Син'эн но Шумей», для всех, кто знает ее силу.

Из-за ее грозных способностей клан Учиха объединил усилия с кланами Сендзю и Узумаки, чтобы запереть ее в темной подземной камере.

— Твоя техника впечатляет, но ее недостаточно, чтобы повлиять на меня, — с уверенной улыбкой заметил Учиха Согецу.

Согецу был бейондером Пути Наблюдателя. Поэтому даже самое мощное гендзюцу, Котоамацуками, не могло управлять его волей.

— Я действительно свободна? — спросила девушка, с недоверием глядя на свои руки.

— Да, ты свободна, — ответил Согецу, повторяя про себя, чтобы успокоить ее. — Отныне ты можешь делать все, что захочешь.

— Но я не знаю, что хочу делать, — сказала девушка с растерянностью в глазах. В ее жизни так преобладала месть, что она никогда не задумывалась о том, что будет делать, когда освободится.

Согецу на мгновение задумался, прежде чем предложить свою идею:

— Как насчет того, чтобы принять ванну, надеть свежую одежду и попробовать вкусную еду этой эпохи?

— А мне действительно можно это сделать — спросила она, заинтересованная, но все еще не уверенная. — Я действительно могу делать все, что захочу?

— Конечно, — сказал Согецу с игривой ухмылкой. — Если захочешь, можешь даже влюбиться.

При упоминании любви в глазах девушки появилась тоска. Возможно, она так долго жила во тьме, что с трудом верила в возможность света.

Но тепло нежного взгляда Согецу, казалось, пробило ледяные стены вокруг ее сердца, подарив ей проблеск безмятежности.

Она терпела тьму, потому что никогда не знала света. Жестокость и холод были для нее как защитная оболочка, укрывавшая ее хрупкое сердце. Злость и ненависть были для нее тяжелой броней и острым мечом, защищавшим ее хрупкое самоощущение.

Но она все еще жаждала искупления. Чем глубже человек погружается во тьму, тем сильнее становится желание света. Это похоже на то, как утопающий хватается за тонкую соломинку в бурном море. Даже если кажется, что все безнадежно, в этой последней хватке есть искра надежды.

В этот момент сердце девушки дрогнуло, а решимость укрепилась.

Она отчаянно пыталась ухватиться за этот лучик надежды, за этот проблеск света.

Подобно мотыльку, летящему к пламени, даже зная, что все может закончиться пеплом, она хотела ощутить тепло, которое могло дать это «пламя».

— Можно мне пойти с тобой? — нерешительно спросила она, хватаясь за свою изорванную одежду.

В ее настороженных глазах смешались надежда и затаенный страх, как у бездомной кошки, которая жаждет обрести дом, но боится быть отвергнутой.

Учиха Согецу наблюдал за ней, видя в ее глазах надежду.

Понаблюдав за растущим беспокойством девушки, он с легкой улыбкой кивнул и сказал:

— Конечно.

Все складывалось так, как он и предполагал.

Чем отчаяннее человек ищет спасения, тем легче им манипулировать.

Подобно человеку, умирающему от жажды в пустыне, даже маленький глоток воды может восстановить его иссохший дух — нужно лишь предложить ему «надежду», которая почти ничего не стоит.

— Хикари, — прошептала девушка, набираясь смелости, и, опустив глаза, потянула его за рукав.

— Что? — Учиха Согецу не совсем уловил ее тихий, похожий на комариный голос.

— Хикари, — повторила она, подняв глаза, и по ее нежным щекам потекли слезы, нос дернулся, и она всхлипнула. — Меня зовут Учиха Хикари!

<http://tl.rulate.ru/book/107339/4447779>